

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY

УДК 339.562:332.1

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

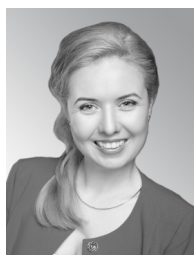
ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Импортозамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ

И. А. Емелькина ✉

О. Н. Фомина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация)*

✉ emelkina-ia@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Импортозамещение является одной из ключевых задач российской политики и экономики последних десятилетий, что предопределяет актуальность ее изучения в других регионах мира для создания предпосылок наиболее эффективной интеграции ее в России. Еще в 2022 г. параллельный импорт в России начал легализоваться путем имплементации международного принципа исчерпания исключительных прав. Цель статьи – проанализировать различные региональные подходы к импортозамещению и параллельному импорту для последующей имплементации наиболее эффективных практик в нашей стране.

Материалы и методы. Объектом исследования являются институты, реализующие правовое регулирование импортозамещения и параллельного импорта в латиноамериканском, восточноазиатском, североамериканском и африканском регионах, в частности институт исчерпания исключительных прав на товарные знаки, принудительное лицензирование, в доктринальном и историческом аспектах. Проанализированы ключевые правовые акты России и зарубежных стран, касающиеся оформления политики импортозамещения и легализации параллельного импорта в наиболее представительных странах различных регионов мира. Изучены доктрины и судебная практика отдельных зарубежных стран, касающиеся импортозамещения, исчерпания исключительных прав, параллельного импорта и принудительного лицензирования.

Результаты исследования. Проведен анализ политики импортозамещения в различных регионах мира, который подтвердил целесообразность выработки в нашей стране собственного наиболее адекватного сложившимся реалиям пути внедрения импортозамещающих практик, в частности объединения тарифных и нетарифных методов протекционистского воздействия на экономику. Выявлено, что отечественная концепция исключительного права в настоящее время проходит этап трансформации с «проавторской» на некую «смешанную», придавая ей уникальность и самобытность. Законодательно национальный принцип закреплен в Гражданском кодексе Российской Федерации, однако судебная и административная, в частности таможенная, практика уже ориентируется на «прорыночную» модель, реализуя международный принцип исчерпания, заложенный в подзаконных актах.

© Емелькина И. А., Фомина О. Н., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Полагаем целесообразным образование на уровне стран СНГ и других дружественных государств международных организаций, функции которых будут направлены на патерналистское регулирование экономики стран-участниц и создание оптимальных условий для реализации политики импортозамещения. Полученные авторами данные имеют практическую значимость для представителей юридического, экономического, бизнес-сообщества, практикующих юристов, преподавателей и предпринимателей, а также представителей законотворческой инициативы.

Ключевые слова: импортозамещение, параллельный импорт, международный и национальный принципы исчерпания исключительных прав, товарный знак, доктрина первой продажи, контрафакт, иностранный импорт, замещающий импорт, промышленность, протекционистские меры, принудительное лицензирование, исчерпание интеллектуальных прав

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Емелькина И. А., Фомина О. Н. Импортозамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 650–664. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664>

Original article

Import Substitution and Parallel Imports in Various Regions of the World: Economic and Legal Analysis

I. A. Emelkina ✉, O. N. Fomina

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russian Federation)*

✉ emelkina-ia@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Import substitution is one of the key tasks of Russian politics and the economy of recent decades, which determines the relevance of studying this concept in other regions of the world to create the prerequisites for its most effective integration in our country. Back in 2022, parallel imports in our country began to be legalized by implementing the international principle of exclusive rights exhaustion. The purpose of the work is to analyze various regional approaches to import substitution and parallel import.

Materials and Methods. The object of the study is the institutions implementing the legal regulation of import substitution and parallel imports in the Latin American, East Asian, North American and African regions, in particular the institution of exclusive rights exhaustion to trademarks, compulsory licensing, etc. in doctrinal and historical aspects. In the course of the study, an analysis of key legal acts related to the registration of import substitution policy and the legalization of parallel imports in the most representative countries of various regions of the world was carried out. The doctrines and judicial practice of some foreign countries concerning import substitution, exclusive rights exhaustion, parallel imports and compulsory licensing were studied.

Results. As a result of the analysis of the import substitution policy in various regions of the world, it was concluded that it is advisable to develop in our country our own most adequate way for introducing import-substituting practices, in particular, combining tariff and non-tariff methods of protectionist influence on the economy. The domestic concept of exclusive law is currently undergoing a stage of transformation from “pro-author” to a kind of “mixed”, giving it uniqueness and identity. The national principle is legislatively enshrined in Art. 1487 of the Civil Code of the Russian Federation, however, judicial and administrative, in particular customs practice, is already guided by the “pro-market” model, implementing the international principle of exhaustion, laid down in by-laws.

Discussion and Conclusion. We consider it expedient to form at the level of the CIS countries and other friendly states the creation of international organizations with similar functions aimed at paternally regulating the economies of the participating countries and creating optimal conditions for the implementation of the import substitution policy. The data obtained by the authors may be of practical significance for representatives of the legal, economic, business community, practicing lawyers, teachers and entrepreneurs, as well as representatives of the lawmaking initiative.

Keywords: import substitution, parallel imports, international and national principles of exhaustion of exclusive rights, trademark, doctrine of first sale, counterfeiting, foreign imports, substitute imports, industry, protectionist measures, compulsory licensing, exhaustion of intellectual rights

Funding. The article was written on the basis of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration state assignment research programme.

For citation: Emelkina I.A., Fomina O.N. Import Substitution and Parallel Imports in Various Regions of the World: Economic and Legal Analysis. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):650–664. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664>

Введение. Процесс импортозамещения и параллельный импорт в той или иной степени свойственны различным регионам мира вне зависимости от уровня своего экономического развития. Такой политический вектор нацелен на замену импортных товаров, которые необходимы не только для удовлетворения каждодневного потребительского спроса, но и на развитие промышленных отраслей и экономики в целом, которая в результате становится способной к самостоятельному воспроизводству потребительских товаров без необходимости их импортирования. Кроме того, национальное правительство в условиях импортозамещения нацеливается на стимулирование и защиту национальных экономических интересов путем создания благоприятных условий для развития промышленности и сокращения зависимости от импорта для снижения политических и валютных рисков. В частности, задачами импортозамещения провозглашаются в том числе создание конкурентоспособного производства, разработка новых технологий и инноваций, а также поддержка догоняющих отраслей. В самом общем виде основная цель импортозамещения обычно формулируется как создание среды для максимального роста национальной промышленности.

Анализируя практику введения импортозамещения в различных регионах мира, можно прийти к выводу, что государство сталкивается с необходимостью развития импортозамещения либо в результате всеобщих кризисных явлений (Великая депрессия, Вторая мировая война и т. п.), которые заставляют национальные государства полагаться в большей степени на собственные силы ввиду слабости соседних и ведущих государств, либо по причине экономической изоляции, связанной с геополитическими процессами.

Общая практика реализации импортозамещения связана в большинстве регионов с увеличением расходов на развитие наиболее прибыльных отраслей, а также сфер, которые государство считает приоритетными. Процессы импортозамещения могут «сосуществовать» с процедурами национализации и патерналистским регулированием экономики, а также развиваться и в условиях рыночной экономики (например, Южная Корея, Сингапур, Франция и т. д.).

Помимо общегосударственной политики, важную роль в стимулировании импортозамещения играют также региональные законы и программы поддержки, направленные на развитие некоммерческого сектора экономики и стимулирование социально значимых проектов, включая предоставление грантов и субсидий, оказание консультационной помощи, содействие развитию кадрового потенциала и т. п. В целом государственные меры, направленные на реализацию импортозамещения, можно подразделить на тарифные и нетарифные способы обеспечения

развития и самодостаточности за счет создания внутреннего рынка. К нетарифным мерам воздействия можно отнести национализацию, субсидирование производства, повышение налогов и протекционистскую торговую политику¹.

Цель статьи – проанализировать проблемы импортозамещения и параллельного импорта, пути их решения в зарубежных странах, а также изучить стратегии для российского правопорядка с учетом существующих практик.

Обзор литературы. В научной литературе существует достаточно много исследований, посвященных проблематике импортозамещения. Например, публикации таких авторов, как Т. Перро, П. Мартин [1], Ф. И. Шамхалов [2], Л. В. Васильева², О. А. Миронова [3], А. С. Ворожечич, С. В. Третьяков [4] и др.

Выделим основные различия в подходах. Р. Пребиш считал, что снижение зависимости от импорта, возможность контролировать цены на сельскохозяйственные товары в целях увеличения бюджета и закупки необходимых промышленных товаров, повышение уровня доходов и экономический рост являются преимуществами реализации протекционистской политики импортозамещения [5, р. 227–228]. Д. Джекобс разрабатывала понятие импортозамещения в связи с развитием урбанистики и городской среды, которая способна заменить деревенские товары³. Дж. Итуэлл раскрывает опыт реализации импортозамещения в развитых странах – Франции и Японии, которые столкнулись с проблемами высокой конкуренции в реализации экспорта и при защите своих внутренних рынков⁴.

Х. В. Арндт исследовал импортозамещение с точки зрения кейнсианской, коммуитаристской и социалистической экономической мысли⁵. Т. Перро и П. Мартин разработали так называемую теорию зависимости для обоснования необходимости импортозамещения в целях экономического роста [1].

Некоторые ученые считали, что неразвитые политические и экономические структуры, унаследованные постколониальной Африкой, создали внутренний стимул для импортозамещения⁶, а Л. Сенгор прямо провозглашал отрицание капиталистического и рыночного хозяйства и «свой путь» для африканских государств [6].

Е. Ф. Авдокушин раскрывает стадию проведения экономической политики импортозамещения в 50–70-х гг. XX в., которую прошли большинство новых индустриальных стран (Гонконг, Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Аргентина, Бразилия, Мексика), а также ряд так называемых новейших индустриальных стран (Индия, Малайзия, Таиланд, Чили, Индонезия, Турция, Иран, Филиппины)⁷.

¹ Street J. H., James D. D. Structuralism, and Dependency in Latin America // *Journal of Economic Issues*. 1982. Vol. 16, issue 3. Pp. 673–689.

² Васильева Л. В. Опыт импортозамещения в странах БРИКС // *Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире* : тр. I Междунар. науч.-практ. конф. / ИНИОН РАН. Отдел науч. сотрудничества ; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2016. С. 14–19.

³ Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York : A Division of Random House, 1992. 458 p.

⁴ Итуэлл Дж. Импортозамещающий и экспортоориентированный экономический рост // *Экономическая теория* / под ред. Дж. Итуэлла. М. : Инфра-М, 2004. С. 430–433.

⁵ Arndt H. W. *The Origins of Structuralism* // *World Development*. 1985. Vol. 13, issue 2. Pp. 151–159.

⁶ Mytelka L. K. *The Unfulfilled Promise of African Industrialization* // *African Studies Review*. 1989. Vol. 32, no. 3. P. 91.

⁷ Авдокушин Е. Ф. *Международные экономические отношения* : учеб. для вузов. М. : Юристъ, 1999. С. 311–315.

При исследовании восточноазиатского варианта преобразований в промышленности Л. В. Васильева выделяет в его реализации три этапа: «Целью первого этапа (собственно – импортозамещение) было создание новых производств и отраслей с помощью системы протекционистских мер. Недолговременность такого подхода была обусловлена искусственной изоляцией и деградацией внутреннего рынка из-за потерь мировых стандартов качества. Следующий этап характеризовался поощрением экспорта при одновременном снижении таможенных барьеров. Эксперты видят успех стран Восточной Азии в своевременном переходе на экспортно-ориентированную модель экономики» [7, с. 239]. О. А. Миронова отметит, что на втором этапе реализации индустриального импортозамещения государственная поддержка оказывалась уже не всем отечественным производителям новых отраслей, а избирательно – тем из них, которые вышли на внешние рынки или готовы выйти в ближайшей перспективе [3]. Она также отмечает, что на третьем этапе, когда отрасли (предприятия) достигли устойчивых позиций на внешнем рынке, государство отходит от активной промышленной политики и поддержки даже экспортно ориентированных отраслей и предприятий – бизнес способен развиваться самостоятельно [3].

По итогам обзора научных публикаций отметим, что учеными практически не представлены исследования, описывающие влияние санкций и параллельного импорта на реализацию политики импортозамещения. Также не рассматривается правовая реализация концепции импортозамещения в рамках правовой и экономической интеграции стран бывшего СССР. Отсюда следует наша гипотеза: правовая модернизация юридической концепции исключительных прав возможна при достижении существенного экономического роста, в том числе в условиях санкций, а также путем правовой и экономической интеграции стран СНГ, создания на их базе новых интеграционных образований. Для подтверждения гипотезы нами проведено данное исследование.

Материалы и методы. В ходе исследования анализу подвергались российские правовые документы, оформляющие легализацию параллельного импорта, контекст их принятия и практика применения, а также нормативные источники и судебная практика государств с наиболее передовым опытом внедрения стратегий импортозамещения.

Был проведен сравнительный анализ основных концепций, выработанных зарубежной правовой и экономической наукой относительно концепции импортозамещения. Проанализированы исторические и доктринальные предпосылки импортозамещения в основных регионах мира, в частности в США, Канаде, Австралии⁸, Новой Зеландии⁹, Мексике¹⁰, Китае, Индии¹¹, Сингапуре, Вьетнаме, Филиппинах, Таиланде, Малайзии, Индонезии, Брунее, Мьянме (Бирме)¹².

⁸ Trade Marks Act 1995 (consolidated as of March 10, 2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/16169> (дата обращения: 24.08.2023).

⁹ Section 97. Trade Marks Act 2002 (reprint as at 13 January 2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/547184> (дата обращения: 24.08.2023).

¹⁰ Ст. 92 (II) Закона о праве промышленной собственности (Ley de la propiedad industrial). 27.06.1991.

¹¹ The Trade and Merchandise Marks Act (Act No. 43 of 1958) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/2394> (дата обращения: 24.08.2023).

¹² Проект Закона о товарных знаках (Myanmar Draft Trademark Law).

В процессе исследования применялись методы познания, обеспечивающие достижение цели работы и решение поставленных в ней задач. Для изучения документов был использован сравнительно-правовой и догматический методы. Также на разных этапах исследования были задействованы общенаучные (системный анализ и синтез, сравнительно-правовой, логический, статистический) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-догматическое толкование и др.).

Результаты исследования. В результате проведенного исследования были выделены ключевые особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в латиноамериканском, североамериканском регионах, а также в Юго-Восточной Азии. Определены наиболее классические модели импортозамещения – латиноамериканская и восточноазиатская, и осуществлен их сравнительный анализ.

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в латиноамериканском регионе. Политика импортозамещения проводилась большинством стран Латинской Америки с 1930-х до конца 1980-х гг. в связи с кризисными явлениями в экономике региона, в том числе влиянием Великой депрессии 1930-х гг. и девальвацией местной валюты, из-за чего также был существенно затруднен импорт. Это послужило стимулом для отечественного замещающего производства необходимой продукции.

В странах Латинской Америки протекционистская политика была изначально реализована за счет мер таможенно-тарифного регулирования. Наибольшего успеха политика импортозамещения добилась в состоятельных государствах региона с большим населением, таких как Мексика, Бразилия и Аргентина. В меньшей степени ее результаты проявились в Венесуэле, Уругвае и Чили.

При этом наиболее мелкие и бедные страны Латинской Америки (Эквадор, Гондурас и Доминиканская Республика) могли внедрить политику импортозамещения лишь в ограниченной степени. Республика Перу имплементировала ее в 1961 г. и сохраняла в той или иной степени до конца XX в.

В рамках реализации политики импортозамещения и в целях повышения ее эффективности государства Латинской Америки предприняли следующие меры. Прежде всего в ряде стран была введена аграрная реформа для перераспределения доходов внутри самих стран. В 1960 г. была создана региональная организация – Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ALALC)¹³, которая в 1981 г. трансформировалась в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции, существующую по настоящее время. Целями данной организации было стимулирование гражданского и торгового оборота между странами в латиноамериканском регионе. Взаимодействие между странами Латинской Америки осуществлялось на площадке специальной комиссии при ООН – ЭКЛАК¹⁴.

Государство латиноамериканского региона сначала делало упор на тарифное регулирование и ограничение импорта путем установления высоких ввозных

¹³ ALADI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aladi.org/sitioaladi/alalc> (дата обращения: 24.08.2023). Российская Федерация с 1995 г. имеет статус страны-наблюдателя.

¹⁴ Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна при ООН (United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, UN ECLAC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/eclac/> (дата обращения: 24.08.2023).

пошлин. Одним из результатов стало снижение цен на продукцию внутреннего производства. Однако для латиноамериканской модели характерны и нетарифные методы регулирования гражданского оборота. Например, «государственная поддержка заключалась также в выдаче дешевых кредитов, установлении квот на импорт, поддержании фиксированного обменного курса» [7, с. 238]. Одновременно происходил процесс национализации государственной монополизации экономики в стратегически важных отраслях (нефтегазовая промышленность, электроэнергетика, железнодорожный транспорт, связь). Ф. И. Шамхалов отмечает, что «ограничение импорта и насыщение внутреннего рынка отечественными товарами позволяло удерживать средства в регионе и использовать их как источник модернизации промышленности» [2].

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в восточноазиатском регионе. Второй классической моделью правового регулирования импортозамещения считается восточноазиатская модель, характерная для таких стран, как Корея, Китай, Гонконг, Сингапур, Тайвань и др. В отличие от государств Латинской Америки индустриальные цели достигались не длительным жестким протекционизмом, а путем наращивания экспортного потенциала стран. Принципиально важной особенностью являлся более короткий период чистого импортозамещения, а политика протекционизма сочеталась с товарной и географической диверсификацией экспорта. Аналогично странам Латинской Америки здесь прежде всего стали поднимать легкую и пищевую промышленности. Однако на следующем этапе производство в сфере тяжелой промышленности уже было не замкнуто на внутренний рынок, а ориентировано на экспорт, на мировые рынки [2].

В числе институтов, обеспечивающих успешность импортозамещения, можно выделить «экспортно-промышленные зоны, таможенное хранение, специальные экономические зоны и систему возврата таможенных пошлин. Государственное регулирование осуществлялось на макроэкономическом уровне путем стимулирования экспорта трудоемкой продукции, в основном с помощью удержания обменных курсов» [3]. Особенности восточноазиатской модели являются стабильное гражданское законодательство, налоговые и таможенные преференции.

Важной инфраструктурной составляющей реализации политики импортозамещения с точки зрения частноправовых институтов было введение возможности принудительного лицензирования в отдельных странах восточноазиатского региона, например в Индии, Китае и Тайланде [4]. Особенно ограничение патентной монополии было реализовано в фармакологической сфере. В некоторых случаях ограничения патентных прав Индия использует доктрины общего права, в частности американскую концепцию FRAND-обязательств. Примерами являются дела 2013 и 2014 гг. в отношении компании Ericsson Комиссии по конкуренции Индии о нарушении ст. 4 Закона о конкуренции Индии¹⁵.

Китайская практика также разделяет патентные права в зависимости от объекта патентования, допуская ограничение патентной монополии на

¹⁵ Discussion Paper on Standard Essential Patents and their Availability on FRAND Terms / Government of India Department of Industrial Policy and Promotion Ministry of Commerce & Industry, 2016. 28 p.

стандартизированные инновационные объекты [8]. В деле Huawei vs IDC (2016 г.) Верховный суд Гонконга применил принцип FRAND¹⁶.

Сравнение моделей импортозамещения в латиноамериканском и восточноазиатском регионах. Если азиатская модель предполагала развитие национальной экономики с преимущественной ориентацией на внешний рынок, то национальная экономика южноамериканских стран (латиноамериканская модель) была ориентирована в большей степени на импортозамещение в целях защиты внутреннего рынка.

По словам О. А. Мироновой, «слабой стороной латиноамериканской модели было отсутствие условий для развития реальной конкурентоспособности, а также упор на мерах административной поддержки бизнеса» [3]. Неэффективное плановое распределение ресурсов, а также лоббирование интересов отдельных предприятий способствовали технологическому отставанию стран региона.

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в африканском регионе. Политика импортозамещения реализовывалась в различных формах по всей Африке с начала 1960-х до середины 1970-х гг. в целях создания условий для экономического роста коренных народов в новых независимых государствах. Национальным стимулом для развития патерналистского регулирования можно считать создание в 1927 г. так называемых общих рынков Восточной и Центральной Африки в британских и французских колониях, в рамках которых была провозглашена важность общих торговых тарифов, направленных на защиту отечественного производства от внешних воздействий и конкуренции [9].

В Гане и Нигерии «экономический рост происходил за счет коренных общин, которые не имели права голоса в отношении выращиваемых культур (какао, пальмовое масло и т. п.) и сохраняли предельную прибыль от своей сельскохозяйственной продукции»¹⁷. Подтверждением успешности выбранного подхода послужил рост «полугосударственных» корпораций с 1960 по 1980 г. [10]. Государственные торговые компании получили контроль над импортно-экспортным бизнесом, а также над рознично-оптовой торговлей¹⁸.

Политика импортозамещения в Кении начала развиваться в условиях государственного капитализма [11] на основании Сессионного документа Кении № 10 от 1965 г. (*African Socialism and its Application to Planning in Kenya*), в котором особая роль отводилась обрабатывающим отраслям¹⁹. Историки экономики утверждают, что «открытость для западных предприятий и технического опыта привела к более высокому валовому национальному продукту в Кении, чем в сравнительных социалистических странах, таких как Гана и Танзания» [9, p. 133].

Неспособность импортозамещения обеспечить достаточный рост индустриализации и общего развития в странах Африки привела к отказу от нее к началу 1980-х гг. Всемирный банк в качестве решения проблем импортозамещения

¹⁶ Xiaoning Y. Enforcement of Standard Essential Patents (SEPs) in China [Электронный ресурс]. URL: <http://liu-shen.com/Content-2637.html> (дата обращения: 24.08.2023).

¹⁷ Dumont R. *False Start in Africa*. Taylor & Francis LTD, 1988. P. 31–33.

¹⁸ Kennedy P. *African Capitalism the Struggle for Ascendancy*. Cambridge University Press, 1988. P. 65.

¹⁹ Austen R. *African Economic History*. Oxford University Publishing, 1987. P. 246.

предложил реструктуризацию экономики в направлении неолиберальной модели развития, продолжавшейся на протяжении 1980–1990-х гг.

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в североамериканском регионе. Политика импортозамещения не является специфичной для стран Северной Америки в силу вовлеченности их в мировую экономику и их роли в ней. При этом государственные институты во многом реализуют патерналистскую политику через частнопроводные институты, например через ограничение интеллектуальных прав и легальный параллельный импорт. В США история охраны интеллектуальных прав имеет довольно ограниченный период. Например, до 1980-х гг. было крайне сложно получить патент в этой стране. Впоследствии суды легко могли признать патент недействительным [12, р. 138–140].

Закон Бэя – Доула (Bayh-Dole Act) предоставил федерации так называемое право на вмешательство (right to march-in) в оборот и в отношении частных субъектов, на основании которого государство могло выдавать лицензии на запатентованные технологии в отдельных случаях. Однако сфера его реализации крайне ограничена на практике [13, р. 292].

Известно дело компании Abbot Laboratories, которая в 2000 г. повысила цену на один из своих препаратов в целях ограничения конкуренции на другой свой фармпрепарат. При этом, несмотря на давление фармкомпаний и общественности, Национальный институт здравоохранения отказался реализовать право на вмешательство, чтобы избежать контроля цен [4]. Аналогичный подход был реализован госорганами США²⁰ в деле об обороте лекарства против болезни фабри – Mt. Sinai School of Medicine [4], а также при споре в 2016 г. о противораковом средстве Xtandi, когда Национальный институт опять отказал в выдаче принудительной лицензии²¹.

Природа принудительного лицензирования относится к дискуссионным вопросам в США. С одной стороны, она считается частным случаем изъятия собственности для государственных нужд (eminent domain) [14]. Согласно другому подходу, ст. 1498 (a) – это частная лицензия, которая выдается в пользу государства [15]. В 2012 г. окружной суд удовлетворил требования компании Zoltek Corporation к США о взыскании компенсации в соответствии со ст. 1498 (a) на основании того, что организация Lockheed Martin использовала разработанный истцом метод при проектировании и производстве истребителей F-22 для федерального правительства²². Другим примером, ограничивающим принудительное лицензирование, является дело Astornet Technologies, Inc. vs BAE Systems, Inc.²³, в котором суд посчитал безлицензионное использование изобретения государственным агентством нарушением исключительных прав в соответствии со ст. 1498 (a).

«Возможность принудительного лицензирования основывается на доктрине необходимого элемента (essential facilities doctrine), под которой понимается

²⁰ Food and Drug Administration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fda.gov/> (дата обращения: 24.08.2023).

²¹ Letter from Francis C. Collins, Director, NIH, to Andrew S. Goldman, Knowledge Ecology International, June 20, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://keionline.org/sites/default/files/Final-Response-Goldman-6.20.2016.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

²² Zoltek Corporation vs United States (Fed. Cir. 2012).

²³ Astornet Technologies, Inc. vs BAE Systems, Inc. et al. (Fed. Cir. Sept. 17, 2015).

патентоохраняемая разработка, которая используется при производстве конкурентоспособного комплексного продукта»²⁴. Принудительные лицензии чаще всего выдаются в отношении важных для стандартизации патентов (standard essential patent) [4] – набора технических спецификаций, которым должны соответствовать производимые продукты или процессы²⁵.

В целом для Североамериканского региона характерно применение международного принципа исчерпания исключительных прав, который является порождением «прорывного» подхода, оформившегося изначально в США, а далее – в договоре ТРИПС²⁶, и реализуемого в рамках Всемирной торговой организации (ВТО)²⁷. По сути, это и есть легальность параллельного импорта на определенных условиях. Интересы развития рынка имеют приоритет над правами авторов и правообладателей, которые, следовательно, могут быть при необходимости легко ограничены. В рамках международного принципа исчерпания права обладателей товарного знака на контроль способов реализации товаров ограничиваются первой продажей таких товаров. Доктрина первой продажи (first sale doctrine) оформилась в определении Верховного суда США от 1908 г. по делу *Bobbs-Merrill Co. vs Straus*²⁸ и считается основой международного принципа исчерпания исключительных прав.

Обсуждение и заключение. Актуальность темы предопределяется трансформацией, которую проходит наша страна в настоящее время, поступательно углубляя реализацию политики импортозамещения и легализуя параллельный импорт. Еще начиная с 2009 г. подход к параллельному импорту постепенно менялся. Несмотря на сохранение национального принципа исчерпания, Приказом Минпромторга России от 19 апреля 2022 г. № 1532²⁹ был провозглашен международный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак и патентных прав в отношении отдельных групп товаров, перечисленных в данном акте. Таким образом, на сегодня в России действуют два режима исчерпания исключительных прав – национальный принцип по общему правилу ст. 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации³⁰ и международный принцип в отношении отдельных групп товаров, введенный подзаконными актами. Приказ явился отчасти вынужденной мерой и вызвал критику, которая основывалась на

²⁴ *Alaska Airlines, Inc. vs United Airlines, Inc.*, 948 F. 2d 536, 542 (9th Cir. 1991); *Otter Tail Power Co. vs United States*, 331 F. Supp 54, 58 (D. Minn. 1971), 410 U.S. 366 (1973); *MCI vs ATT* 512 U.S. 218; 114 S. Ct. 2223; 129 L Ed. 2d 182(1994).

²⁵ Например, приняты стандарты LTE, WIFI или Bluetooth GSM, UMTS, DVD, Blue-Ray, MPEG и т. д.

²⁶ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, заключено в г. Марракеше 15 апр. 1994 г., с изм. от 6 дек. 2005 г.).

²⁷ Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/wto/> (дата обращения: 24.08.2023).

²⁸ 28 S. Ct. 722; 52 L. Ed. 1086.

²⁹ Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия : Приказ Минпромторга России от 19 апр. 2022 г. № 1532 (ред. от 21 окт. 2022 г.) : зарегистрирован в Минюсте России 6 мая 2022 г. № 68421.

³⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 7 окт. 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.08.2023).

том, что национальный принцип стал более прогрессивной практикой, а также на опасениях нарушения прав потребителей в результате ввоза некачественных товаров и проблем с гарантийным обслуживанием.

Положительным эффектом внедрения концепции импортозамещения в ряде стран зарубежных регионов является проведение их индустриализации. К таким примерам относятся: Япония конца XIX – начала XX в., Бразилия с 1930 по 1980 г. (единственная страна, завершившая все пять этапов импортозамещения), многие страны Латинской Америки в 1970-х гг. (Аргентина, Мексика, Чили, Венесуэла, Уругвай или Перу), Сенегал, Южная Корея с 1953 по 1961 г. [16]. При этом многие страны, принявшие политику импортозамещения в послевоенные годы, отказались от нее к концу 1980-х гг., сократив государственное вмешательство в экономику и став активными участниками Всемирной торговой организации. Также к середине 1960-х гг. многие экономисты, ранее выступавшие за импортозамещение в развивающихся странах, разочаровались в этой политике и ее результатах.

Достаточно успешным считается опыт восточноазиатских стран (Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань) по применению политики импортозамещения, которая способствовала их развитию.

Гражданско-правовые институты претерпевают в период импортозамещения активную трансформацию. Модернизация затрагивает отрасли, обеспечивающие инновационное развитие и обмен технологиями. Значительные изменения, направленные на обеспечение импортозамещения, проходит интеллектуальное право, реализуя трансформацию посредством своих институтов – *принудительных лицензий и параллельного импорта*, как механизмов обеспечения доступа к зарубежным технологиям и инновациям в целях наиболее эффективной реализации целей импортозамещения.

Принудительное лицензирование и параллельный импорт имеют большой опыт применения в зарубежных странах, особенно для реализации задач импортозамещения. Оба института направлены на ограничение интеллектуальных прав отдельного субъекта в целях обеспечения гармоничного развития национальной экономики.

Принудительное лицензирование направлено на обеспечение потребителей необходимыми товарами вне зависимости от разрешения правообладателей. Фактически это обеспечивает местным производителям доступ к достижениям и инновациям развитых государств и рынков независимо от политической и экономической конъюнктуры. Поскольку для того, чтобы местное производство имело возможность самостоятельно обеспечивать потребности своего рынка, в том числе замещать продуктовый и товарный дефицит импортных товаров, необходимо обеспечить доступ местных производителей к технологиям и достижениям. Именно этим целям служит классический институт принудительного лицензирования, который представляется органической составляющей системы правового обеспечения импортозамещения в развитых странах.

Несмотря на то, что принудительное лицензирование является одним из способов ограничения интеллектуальных прав, некоторые авторы считают такое ограничение вполне оправданным как для развитых, так и для развивающихся

стран. Так, А. Ю. Иванов приводит в пример СССР и другие социалистические страны, говоря о технологическом прорыве экономик за счет широкой реализации политики импортозамещения [17]. Возможность ограничения интеллектуальных прав в целях технологического прогресса на пути импортозамещения обосновывают также на примере Швейцарии [18, р. 76], США и Канады в XIX – начале XX в.³¹

Таким образом, обширная практика применения институтов принудительного лицензирования и параллельного импорта для стимулирования инноваций сформировалась в наиболее развитых странах, прежде всего общего права, в том числе в США [19], Австралии и т. д. Это обусловлено тем, что в этих странах интеллектуальная собственность носила (и отчасти носит) сугубо утилитарный характер. В соответствии с таким подходом интеллектуальное право охраняется лишь в том объеме, который необходим для обеспечения благосостояния общества. В результате принятия в 2001 г. Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении³² институт принудительных лицензий получил широкое развитие для защиты внутреннего рынка лекарственных препаратов и импортозамещения в этой сфере.

Проведенный анализ позволяет российским ученым в области права и экономики получить детальное представление о доктринальных и исторических предпосылках развития концепции импортозамещения в основных регионах мира в целях разработки суверенной доктрины импортозамещения в России в условиях санкционного давления, а также реализации Концепции технологического развития³³. Последующая реализация стратегии импортозамещения в нашей стране позволит спрогнозировать экономический рост всего региона при условии правовой и экономической интеграции стран бывшего СССР. В этом заключается основная практическая значимость проведенного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Perreault T., Martin P. Geographies of Neoliberalism in Latin America // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005. Vol. 37, issue 2. Pp. 191–201. <https://doi.org/10.1068/a37394>
2. Шамхалов Ф. И. Опыт импортозамещения продукции оборонной промышленности в зарубежных странах // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2009. Вып. № 2–2. С. 15–29. URL: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/preview_therest_ru.php?x=tsu_izv_economic_and_legal_science_2009_02_part_2&year=2009 (дата обращения: 24.08.2023).
3. Миронова О. А. Импортозамещение: зарубежный опыт и уроки для России // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 7. С. 84–87. URL: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uroki-dlya-rossii> (дата обращения: 24.08.2023).
4. Ворожевич А. С., Третьяков С. В. Об утилитарности интеллектуальных прав, принудительных лицензиях и бюрократических рентах // *Закон*. 2017. № 8. С. 154–179. EDN: ZEVTNR

³¹ Correa C. M. *Intellectual Property Rights and the Use of Compulsory Licenses: Options for Developing Countries*. South Centre, 1999. P. 3.

³² Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health of 14 November 2001.

³³ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 22. Ст. 3964.

5. Hunt M. The World Transformed. New York : Oxford University Press, 2014. 512 p. URL: <https://global.oup.com/ushe/product/the-world-transformed-1945-to-the-present-9780199371037?c=r&lang=en&> (дата обращения: 24.08.2023).
6. Akyeamong E. African Socialism; Or, the Search for an Indigenous Model of Economic Development? // Economic History of Developing Regions. 2018. Vol. 33, issue 1. Pp. 69–87. <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1434411>
7. Васильева Л. В. Зарубежный опыт импортозамещения: тенденции государственного регулирования // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 7. С. 237–241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-importozamescheniya-tendentsii-gosudarstvennogo-regulirovaniya> (дата обращения: 24.08.2023).
8. Huang Y., Wang E. X., Zhang R. X. Essential Facilities Doctrine and its Application in Intellectual Property Space under China's Antimonopoly Law // George Mason Law Review. 2015. Vol. 22:5. URL: [https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Manne/2014-2015/Huang%2C Essential Facilities Doctrine and Its Appicaiton in Intellectual Property Space Under China's Anti-Monopoly Law%2C 22 Geo Mason L Rev 2015.pdf](https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Manne/2014-2015/Huang%2C%20Essential%20Facilities%20Doctrine%20and%20Its%20Applicaiton%20in%20Intellectual%20Property%20Space%20Under%20China's%20Anti-Monopoly%20Law%2C%2022%20Geo%20Mason%20L%20Rev%202015.pdf) (дата обращения: 24.08.2023).
9. Mendes A., Bertella M., Teixeira R. Industrialization in Sub-Saharan Africa and Import Substitution Policy // Brazilian Journal of Political Economy. 2014. Vol. 34, no. 1. Pp. 120–138. <https://doi.org/10.1590/S0101-31572014000100008>
10. Pedersen P. O., McCormick D. African Business Systems in a Globalising World // The Journal of Modern African Studies. 1999. Vol. 37, issue 1. Pp. 109–135. <https://doi.org/10.1017/S0022278X99002955>
11. Speich D. The Kenyan Style of “African Socialism”: Developmental Knowledge Claims and the Explanatory Limits of the Cold War // Diplomatic History. 2009. Vol. 33, issue 3. Pp. 449–466. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00780.x>
12. May Ch., Sell S. K. Intellectual Property Rights: A Critical History. Lynne Rienners Publishers, 2006. 253 p. URL: https://www.rienner.com/title/Intellectual_Property_Rights_A_Critical_History (дата обращения: 24.08.2023).
13. Rai A. K., Eisenberg R. S. Bayh-Dole Reform and the Progress of Biomedicine // Law and Contemporary Problems. 2002. Vol. 66, no. 1. Pp. 289–314. URL: <https://ssrn.com/abstract=348343> (дата обращения: 24.08.2023).
14. Miller J. 28 U.S.C. § 1498(A) and the Unconstitutional Taking of Patents // Yale Journal of Law and Technology. 2011. Vol. 13, issue 1. Article no. 1. URL: https://openyls.law.yale.edu/bitstream/handle/20.500.13051/7773/02_13YaleJL_Tech1_2010_2011_.pdf?sequence=2 (дата обращения: 24.08.2023).
15. Mitchell A. Tamiflu, the Takings Clause, and Compulsory Licenses: An Exploration of the Government's Options for Accessing Medical Patents // California Law Review. 2007. Vol. 95, issue 2. Pp. 535–560. <https://doi.org/10.15779/Z38KD95>
16. Васильева Л. В. Система классификационных признаков импортозамещения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 6. С. 130–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-klassifikatsionnyh-priznakov-importozamescheniya> (дата обращения: 24.08.2023).
17. Иванов А. Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 78–93. EDN: YNUERN
18. Dutfield G. Intellectual Property Rights and the Life Science Industries: Past, Present and Future. World Scientific, 2009. 428 p. <https://doi.org/10.1142/6917>
19. Moser P. Patents and Innovation: Evidence from Economic History // Journal of Economic Perspectives. 2013. Vol. 27, issue 1. P. 23–44. <https://doi.org/10.1257/jep.27.1.23>

Поступила 24.08.2023; одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 09.10.2023.

Об авторах:

Емелькина Ирина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-0163>, emelkina-ia@ranepa.ru

Фомина Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5152-5662>, fomina-on@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

И. А. Емелькина – концепция исследования; формулирование цели, задач исследования; обзор литературы; анализ литературы на русском языке; подготовка текста статьи.

О. Н. Фомина – анализ зарубежной литературы; обобщение зарубежной практики; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Perreault T., Martin P. Geographies of Neoliberalism in Latin America. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005;37(2):191–201. <https://doi.org/10.1068/a37394>
2. Shamkhalov F.I. Import Substitution Experience in the Defense Industry of Foreign Countries. *Izvestiya Tula State University*. 2009;(2–2):15–29. Available at: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/preview_therest_ru.php?x=tsu_izv_economic_and_legal_science_2009_02_part_2&year=2009 (accessed 24.08.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Mironova O.A. Import Substitution: International Experience and Lessons for Russia. *International Research Journal*. 2015;(7):84–87. Available at: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uropki-dlya-rossii> (accessed 24.08.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Vorozhevich A.S., Tretyakov S.V. The Utility of Intellectual Rights, Compulsory Licenses, and Bureaucratic Rents. *Statute*. 2017;(8):154–179. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZEV TNR
5. Hunt M. *The World Transformed*. New York: Oxford University Press; 2014. Available at: <https://global.oup.com/ushe/product/the-world-transformed-1945-to-the-present-9780199371037?c=ru&lang=en&> (accessed 24.08.2023).
6. Akyeampong E. African Socialism; Or, the Search for an Indigenous Model of Economic Development? *Economic History of Developing Regions*. 2018;33(1):69–87. <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1434411>
7. Vasil'eva L.V. [Foreign Experience of Import Substitution: Trends in State Regulation]. *Ros-siya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2016;(7):237–241. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyj-opyt-importozamesheniya-tendentsii-gosudarstvennogo-regulirovaniya> (accessed 24.08.2023). (In Russ.)
8. Huang Y., Wang E.X., Zhang R.X. Essential Facilities Doctrine and its Application in Intellectual Property Space under China's Antimonopoly Law. *George Mason Law Review*. 2015;22:5. Available at: [https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Manne/2014-2015/Huang%2C Essential Facilities Doctrine and Its Applicaition in Intellectual Property Space Under China's Anti-Monopoly Law%2C 22 Geo Mason L Rev 2015.pdf](https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Manne/2014-2015/Huang%2C%20Essential%20Facilities%20Doctrine%20and%20Its%20Applicaition%20in%20Intellectual%20Property%20Space%20Under%20China's%20Anti-Monopoly%20Law%2C%2022%20Geo%20Mason%20L%20Rev%202015.pdf) (accessed 24.08.2023).
9. Mendes A., Bertella M., Teixeira R. Industrialization in Sub-Saharan Africa and Import Substitution Policy. *Brazilian Journal of Political Economy*. 2014;34(1):120–138. <https://doi.org/10.1590/S0101-31572014000100008>
10. Pedersen P.O., McCormick D. African Business Systems in a Globalising World. *The Journal of Modern African Studies*. 1999;37(1):109–135. <https://doi.org/10.1017/S0022278X99002955>
11. Speich D. The Kenyan Style of “African Socialism”: Developmental Knowledge Claims and the Explanatory Limits of the Cold War. *Diplomatic History*. 2009;33(3):449–466. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00780.x>
12. May Ch., Sell S.K. *Intellectual Property Rights: A Critical History*. Lynne Rienner Publishers; 2006. Available at: https://www.rienner.com/title/Intellectual_Property_Rights_A_Critical_History (accessed 24.08.2023).
13. Rai A.K., Eisenberg R.S. Bayh-Dole Reform and the Progress of Biomedicine. *Law and Contemporary Problems*. 2002;66(1):289–314. Available at: <https://ssrn.com/abstract=348343> (accessed 24.08.2023).
14. Miller J. 28 U.S.C. § 1498(A) and the Unconstitutional Taking of Patents. *Yale Journal of Law and Technology*. 2011;13(1):1. Available at: https://openyls.law.yale.edu/bitstream/handle/20.500.13051/7773/02_13YaleJL_Tech1_2010_2011_.pdf?sequence=2 (accessed 24.08.2023).
15. Mitchell A. Tamiflu, the Takings Clause, and Compulsory Licenses: An Exploration of the Government's Options for Accessing Medical Patents. *California Law Review*. 2007;95(2):535–560. <https://doi.org/10.15779/Z38KD95>

16. Vasil'eva L.V. [Import Substitution Classification System]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2017;(6):130–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-klassifikatsionnyh-priznakov-importozamescheniya> (accessed 24.08.2023). (In Russ.)
17. Ivanov A.Yu. Compulsory Licensing for Stimulating Innovation: On the Necessity to Balance the Intellectual Property Regime. *Statute*. 2017;(5):78–93. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YNUEPN
18. Dutfield G. Intellectual Property Rights and the Life Science Industries: Past, Present and Future. World Scientific; 2009. <https://doi.org/10.1142/6917>
19. Moser P. Patents and Innovation: Evidence from Economic History. *Journal of Economic Perspectives*. 2013;27(1):23–44. <https://doi.org/10.1257/jep.27.1.23>

Submitted 24.08.2023; revised 03.10.2023; accepted 09.10.2023.

About the authors:

Irina A. Emelkina, Dr. Sci (Laws), Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., Bld. 1, Moscow 1119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-0163>, emelkina-ia@ranepa.ru

Olga N. Fomina, Cand. Sci. (Laws), Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., Bld. 1, Moscow 1119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5152-5662>, fomina-on@ranepa.ru

Contribution of the authors:

I. A. Emelkina – research concept; formulation of the goal, objectives of the research; literature review; literature analysis in Russian; preparation of the text of the article.

O. N. Fomina – analysis of foreign literature; generalization of foreign practice; preparation of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.